

Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. — М., Учпедгиз, 1958. 263 стр.

Книга Ю. Д. Дешериева — первая монографическая работа, которая ставит своей целью обобщить в научно-популярной форме опыт исторического развития младописьменных языков народов СССР после Великой Октябрьской социалистической революции. К «младописьменным языкам» автор относит «языки с общенародной письменностью, на которых впервые в советскую эпоху появились национальная школа, массовая художественная, общественно-политическая литература, национальный театр, делопроизводство в государственных учреждениях. К ним, — продолжает автор, — могут быть отнесены и языки, на которых делались попытки создать письменность в XVIII и XIX веках, а также языки, имевшие какие-то зачатки письменности на любой графической основе еще в XIX веке» (стр. 3, примеч. 1). Конечно, термин «младописьменные языки» не является строго установленным, его условность отмечает и Ю. Д. Дешериев. И все же приведенное истолкование (которое почему-то дано в сноске) оставляет читателя неудовлетворенным. Можно указать хотя бы на тот факт, что на некоторых из «младописьменных языков» национальная школа возникает еще задолго до установления Советской власти (например, осетинский язык); признак «национального театра», очевидно, неприменим уже в отношении многих «младописьменных языков»; то же следует отметить и для признака «делопроизводство в государственных учреждениях»; в разъяснении автора по существу оставлены без внимания факты смены письменности. Все это вызывает сожаление, потому что для темы книги возможно более четкое определение понятия «младописьменные языки» очень важно¹.

Едва ли есть необходимость в краткой рецензии подробно рассматривать «Введение» и первые три раздела книги, посвященные изложению и классификации хорошо известных специалистам материалов. Во «Введении» (стр. 5—13) приводятся основные положения ленинской национальной политики, даются общие сведения о национально-государственном устройстве СССР и перечисляются данные генеалогической классификации языков народов СССР с указанием числа говорящих на некоторых из них. Обращают на себя внимание многочисленные неточности в подаче использованного здесь материала. Так, ошибочно указано количество национальных округов в СССР (11, вместо 10), неправильно даны некоторые наименования (стр. 6); очевидно по небрежности отдельные индоевропейские языки объединяются автором то в подгруппы (балтийские), то

в группы (иранские) (стр. 9); на одной и той же стр. 10 казахский язык упоминают как среди языков, которые «стали письменными, литературными языками лишь в советскую эпоху», так и в числе тех тюркских языков, на которых письменность возникла еще задолго до 1917 г.; на стр. 10 читателя может дезориентировать упоминание о «барбинских, камасинских и мелесских татарах». Но не эти досадные недоразумения определяют лицо книги, к недостаткам которой мы еще вернемся. Существо работы Ю. Д. Дешериева заключается в содержательном материале пяти ее разделов и в интерпретации этого материала, подчас представляющей интерес и для специалистов-языковедов.

Первый раздел книги (стр. 14—65) озаглавлен «Основные достижения в области разработки младописьменных языков» и охватывает большой круг вопросов, связанных с проблемами установления и развития письменности, а также литературных языков.

Автор отмечает ту большую роль, которую сыграли работы Н. Ф. Яковлева (особенно его «Математическая формула построения алфавита»), Н. В. Юшманова, Е. Д. Поливанова, Л. И. Жиркова, А. А. Реформатского и др. в деле разработки фонологических и графических основ алфавитов различных языков Советского Союза. На материале многочисленных языков Ю. Д. Дешериев показывает, как с появлением письменности поднялся культурный уровень ранее отсталых народов, какие трудности возникали на пути создания и развития литературных языков (необходимость определения диалектной базы, разработка орфографии, создание терминологии и т. д.) и как они разрешались. Естественно, что создание письменности на нескольких десятках языков потребовало углубленного исследования их фонетики, грамматического строя и словарного состава, которое существенно обогатило советское описательное языковедение и, в частности, лексикографию. Но самым важным результатом была подготовка национальных кадров, успехи просвещения, науки и культуры, неизменно изменившие положение, с которым столкнулось молодое советское государство на окраинах бывшей царской России. Все эти вопросы получили освещение в первом разделе книги.

«Изучение младописьменных и бесписьменных языков» и «развитие языковедения в национальных республиках и областях» Ю. Д. Дешериев счел необходимым более подробно осветить в двух последующих разделах книги (стр. 66—86 и 87—141), причем в первом из них речь идет об исследованиях русских ученых, проводившихся преимущественно в Москве и Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Очевидно, что заглавие этого раздела шире его действительного содержания. Но основное наше замечание здесь сводится к тому, что обширный материал обоих этих разделов представлен автором не в виде популярного изложения той проблематики, которая

¹ Более удачно, на наш взгляд, это понятие раскрыто в недавно выпущенном Институтом языковедения АН СССР сборнике «Младописьменные языки народов СССР» (М. — Л., 1959, стр. 3).

выдвигалась и решалась в процессе лингвистического изучения младописьменных и бесписьменных языков в связи с общим развитием отечественного языкознания, а главным образом в виде комментированных перечней фамилий и трудов отдельных исследователей, объединенных подзаголовками типа «Изучение тюркских языков», «Изучение горских кавказских языков» или «Научные центры по изучению тюркских языков в Казахской ССР», «Горно-Алтайская автономная область РСФСР», «Угро-финское языкознание», «Развитие иранского языкознания». Жаль, что автор не выдержал до конца и принятого им в этих разделах энциклопедического характера изложения и оформления материала: в приводимых им историографических и библиографических данных встречаются досадные, неточности, непоследовательности и ошибки. Общие для всей книги полиграфические и редакционные недостатки выступают здесь особенно ярко; так, на стр. 141 последний абзац должен был бы находиться двумя абзацами выше.

Основной интерес для читателя-лингвиста представляют два заключительных раздела книги: IV — «Взаимодействия языков народов СССР» (стр. 142—227) и V — «Пути дальнейшего развития младописьменных языков народов СССР и важнейшие задачи в области их разработки» (стр. 228—260), в которых автор стремится привлечь внимание нашей общественности к проблематике, широко обсуждавшейся в 20—30-е гг. XX в., но позднее почти полностью забытой в советской лингвистической литературе, если не считать отдельных, как правило, чисто эмпирических работ, посвященных влиянию русского языка на другие языки народов СССР преимущественно в области лексики. Трудность задачи, стоящей здесь перед автором, станет особенно ясной, если учесть, что, например, по проблеме взаимодействия языков в современном языкознании вообще очень мало научных работ², а составители упомянутого выше сборника «Младописьменные языки народов СССР», подготовившие его одновременно с книгой Ю. Д. Дешериева, вообще обошли эту проблему.

Раздел четвертый начинается «Общими замечаниями» по проблеме взаимодействия языков — «критическим анализом некоторых основных положений представителей различных направлений» (стр. 142—155). Здесь упоминаются и кратко характеризуются работы И. А. Бодуэна де Куртене, Г. Шухардта, Н. Я. Марра, О. Шрадера, А. М. Селищева. Едва ли можно считать, что этими именами исчерпывается перечень исследователей, внесших свой вклад в изучение проблемы взаимодействия языков.

² См., впрочем, U. Weinglich, *Languages in contact. Findings and problems*, New York, 1953, а также K. H. Schöpfung, *Probleme der Völker-und Sprachmischung*, Halle (Saale), 1956 и др. (автор ими не воспользовался). Более узкая проблема заимствования разрабатывается значительно интенсивнее.

Нельзя не отметить также, что взгляды И. А. Бодуэна де Куртене на эту проблему получили в книге Ю. Д. Дешериева несколько одностороннюю, в основном отрицательную характеристику. Но самыми существенными недостатками «Общих замечаний» мы считаем отсутствие даже простого упоминания теории зональных языков и то исторически совершенно не оправданное значение, которое придает автор высказываниям о процессе смешения языков С. Шевырева (его взгляды представляются Ю. Д. Дешериеву «своеобразной разновидностью (!) марровского понимания возникновения новых индоевропейских языков» — стр. 147).

Главными недостатками рассмотренных «теорий» Ю. Д. Дешериев считает «отсутствие конкретной постановки и решения вопроса об основных закономерностях смешения и скрещения языков», «недооценку решающей роли политического, экономического и культурного воздействия одного народа на другой, обуславливающего победу одного языка над другим», отсутствие «научной характеристики своеобразия конкретных условий смешения и скрещения языков в разные исторические эпохи», отсутствие «дифференцированного подхода к этим процессам в области фонетики, лексики, синтаксиса и морфологии», а также в родственных и неродственных языках и др. (стр. 151).

«Процессы, относящиеся к взаимодействию языков, — пишет далее автор, — проявляются в самых разнообразных формах. Однако основными из них являются процессы, связанные с а) дифференциацией, б) интеграцией и в) заимствованиями» (стр. 152). Автор правильно отмечает, что — за некоторыми редкими исключениями — дифференциация (распад одного языка на несколько самостоятельных языков) и интеграция (слияние языков) нехарактерны для развития языков народов СССР в настоящее время. Процессы заимствования, наоборот, являются характерной особенностью развития языков народов СССР, причем младописьменные языки обогащаются путем заимствования главным образом из русского языка и других старописьменных языков. В то же время определение места смешения и скрещения (скрещивания) в намеченной автором классификации для читателя остается не совсем ясным. Факты двуязычия и их роль в процессах взаимодействия языков Ю. Д. Дешериев отмечает неоднократно, но в целом они не получают в разделе достаточного раскрытия.

Далее отдельно рассматриваются взаимодействия языков народов СССР по территориальному признаку: «взаимодействие» языков народов Средней Азии, языков Новолжья и Сибири, языков народов Дальнего Востока и Крайнего Севера, языков Прибалтики, восточнославянских языков, языков народов Кавказа. Вопросу о взаимодействии этих последних автор уделяет в несколько раз больше места (стр. 170—216), чем всем остальным «взаимодействиям» вместе взятым. По ши-

роте привлеченного материала этот подраздел выгодно отличается от предшествующих, представляя собой самостоятельное исследование, но вносит некоторую диспропорцию в структуру книги.

Обширный материал наблюдений над процессами взаимодействия языков Кавказа автор классифицирует, устанавливая среди этих языков пять типов «с точки зрения языковых взаимоотношений»: 1) древнеписьменный грузинский язык, бесписьменные и младописьменные языки, образующие языковые островки на территории Грузинской ССР; 2) бесписьменные языки, испытывающие сильное влияние старописьменного азербайджанского языка; 3) бесписьменные языки на территории Дагестана, испытывающие влияние младописьменных языков, которое неодинаково проявляется в различных районах; языки с своеобразным характером взаимоотношения и взаимовлияния; 4) младописьменные языки, относящиеся к разным группам (семьям) языков (кумыкский, осетинский, аварский, кабардинский и т. д.); 5) древнеписьменные, младописьменные и бесписьменные языки, испытывающие влияние русского языка» (стр. 170—171).

Эта классификация вызывает ряд замечаний. Прежде всего, речь здесь идет, очевидно, не о типах языков, а о типах самих взаимодействий. С этой точки зрения, которую, собственно, и проводит далее автор, первые два типа не обнаруживают принципиальных различий, а их объединенное рассмотрение могло бы привести к более существенным обобщениям, которых вообще хотелось бы видеть больше во всем этом разделе и которые тонут в массе фактического материала. Наконец, пятый из намеченных Ю. Д. Дешериевым типов явно не укладывается в схему. В конце раздела автор, не довольствуясь анализом влияния русского языка на языки Кавказа, останавливается на «роли русского языка в общении и братском сотрудничестве народов СССР» (стр. 224—227), но эта роль русского языка могла бы получить в книге более яркую лингвистическую характеристику, если бы вопросы взаимодействия русского языка с другими языками народов СССР и разные типы этого взаимодействия были рассмотрены более широко и специально.

Надо сказать, что один параграф четвертого раздела книги «Возникновение общего лексического фонда в языках народов СССР» (стр. 216—220) давал автору возможность восполнить этот пробел и частично восполняет его, но если учесть, что автор на нескольких страницах говорит здесь как о компонентах общего лексического фонда о научно-технических терминах, интернациональных словах, советизмах, ономастике, топонимике, этнонимике, станет ясным чисто иллюстративный и беглый характер этого восполнения.

Нам хотелось бы высказать и одно замечание по поводу небольшого параграфа «Некоторые основные особенности заимствований из русского языка» (стр. 220—223). Здесь автор допускает неточную, на

наш взгляд, формулировку, когда категорически утверждает: «Нет основания говорить о каких-то общих закономерностях развития языков народов СССР, возникших в советскую эпоху и обязательных для всех языков. Таких закономерностей нет». Если иметь в виду «внутренние законы функционирования языков», как далее пишет автор, т. е. закономерности структурного развития, то несомненно, что победа социализма в нашей стране не могла создать таких закономерностей. Но едва ли Ю. Д. Дешериев будет отрицать, что величайший социальный переворот — Великая Октябрьская социалистическая революция — создал предпосылки для возникновения новых закономерностей языкового развития в странах победившего и побеждающего социализма³. Другое дело, что пока мы еще очень мало или недостаточно занимались изучением ростков этих закономерностей даже на материале языков СССР, не говоря уже о языках всего социалистического лагеря. Крах марровских поспешных обобщений не должен, как нам кажется, служить поводом для отказа от поисков закономерностей развития языков в социалистическом обществе и для замены этих поисков эмпирической фактографией. Нельзя не отметить, что общий пафос книги Ю. Д. Дешериева как раз и заключается в призыве к отысканию общих закономерностей языкового развития. Тем более неуместной оказывается отмеченная нами формулировка.

Последний, пятый раздел книги «Пути дальнейшего развития младописьменных языков народов СССР и важнейшие задачи в области их разработки» (стр. 228—260) в значительной своей части (параграфы: «Изучение фонетической системы и грамматического строя младописьменных языков», «Изучение словарного состава», «Изучение диалектов», «Исследование общенародного разговорного языка», «Сравнительно-историческое изучение младописьменных и бесписьменных языков», «Изучение младописьменных и бесписьменных языков в связи с историей развития общества», «Создание сопоставительных исследований русского и младописьменных языков») посвящен вопросам, которые выходят за рамки научно-популярного издания. В то же время освещение этих вопросов в книге довольно систематическое и полное, и, хотя можно в ряде случаев оспаривать те или иные утверждения автора, — его выводы о том, например, что «нашим языковедам необходимо в ближайшее время ликвидировать серьезное отставание в сравнительно-историческом изучении языков народов СССР» (стр. 249) и др. подобные — совершенно бесспорны, так что мы не будем останавливаться на них.

Внимание читателя особенно привлекают два параграфа этого раздела: «Развитие младописьменных литературных языков» (стр. 236—242) и заключительный параграф книги — «Общее языкозна-

³ Ниже, на стр. 251—252, автор вплотную подходит к признанию этого.

ние и младописьменные языки» (стр. 254—260). В первом из этих параграфов автор сделал попытку своеобразной классификации языков СССР с точки зрения выполняемых ими функций. По мнению Ю. Д. Дешериева, следует различать «литературные языки союзных республик, с одной стороны, автономных республик и областей — с другой» (стр. 236). Различны и перспективы дальнейшего развития у тех языков, которые опираются на длительные литературные традиции, и у языков «таких малочисленных народностей, как нанайская, эвенская и другие» (стр. 237). Специфичны функционирование и перспективы развития бесписьменных языков (стр. 241). Более подробно вопросы классификации и перспектив развития языков народов СССР Ю. Д. Дешериев осветил в специальном докладе⁴, в книге же эта проблема еще не нашла развернутого изложения.

Автор отмечает интересные особенности в развитии старописьменных и младописьменных языков. «Литературные языки старописьменных народов, — пишет Ю. Д. Дешериев, — продолжают развиваться в сторону сближения с общенародным разговорным языком, особенно расхождения между ними утрачиваются постепенно; литературный язык все больше и больше принимает общенародный характер. Напротив, младописьменные литературные языки, возникшие на основе общенародной живой разговорной речи, в первый период своего развития начинают отходить от этой основы, бурно обогащаясь словами, терминами, фразеологией, синтаксическими оборотами, кальками, заимствованиями, жанрово-стилистическими и функциональными особенностями... На этой почве иногда возникает опасность серьезных затруднений в понимании текста официальных документов на том или ином младописьменном языке, опасность разрыва между общенародным разговорным языком и младописьменным литературным... Младописьменный литературный и общенародный разговорный языки, взаимодействуя, развиваясь и обогащаясь, будут сближаться уже на новом, высшем уровне своего развития» (стр. 239). «Младописьменный литературный язык усиливает свое нормирующее влияние на общенародный разговорный язык» (стр. 241).

В заключительном параграфе книги автор подчеркивает, что в последние десятилетия на первый план в лингвистических исследованиях выдвинулись «проблемы статического анализа языка и проблемы развития литературных языков», и считает это «знаменательным фактом» (стр. 255). «Между тем, — пишет Ю. Д. Дешериев, — важнейшие вопросы развития младописьменных литературных языков в плане проблем общего языкознания у нас разрабатываются весьма и весьма слабо... Мы не можем закрывать глаза и на то, что основные общетеоретические проблемы статического языкознания на материале языков народов СССР у нас почти не разрабатываются...» (стр. 256).

Отмечая, что младописьменные языки могут дать много ценного для различных проблем общего языкознания (в частности, «в связи с проблемами кибернетики»), но не конкретизируя и не иллюстрируя эти соображения, автор далее кратко останавливается на проблеме «машинный перевод и младописьменные языки». Нескольким неожиданно затрагивается здесь автором вопрос о языке-посреднике машинного перевода. Еще более неожиданно оказывается утверждение Ю. Д. Дешериева о том, что «наиболее идеальным языком для машинного перевода, посредником... явился бы искусственный язык типа эсперанто» (стр. 257). Мы согласны с высказанным в книге сожалением по поводу того, что «потенциальные возможности эсперанто служить легко усвояемым средством общения в международных встречах по вопросам торговли, культурных, научных связей, языком международной научной и технической литературы в настоящее время еще слабо используются» (стр. 257)⁵. Но едва ли эсперанто может претендовать на роль языка-посредника (для которого вовсе не нужна звуковая форма), тем более, что, как уже отмечалось одним из нас, именно широкое использование вспомогательного международного языка как языка научных публикаций явилось бы радикальным решением той задачи, которую имеют в виду опыты машинного перевода⁶.

В заключительной части параграфа Ю. Д. Дешериев кратко характеризует задачи разработки лингвистической теории, исходя из комплексного подхода к языку с учетом достижений и проблем общественных, естественных и технических наук.

Мы рассмотрели основное содержание книги. Большой материал, включенный в нее автором, как видим, очень неоднороден. Научно-популярный профиль книги не выдержан. С этим связан и неровный характер изложения: от рассчетливого на специалистов в параграфе «Взаимодействие языков народов Кавказа» (где, например, не объясняются термины «локатив» и «эргатив») до излишне упрощенного в некоторых других местах работы. Очень многочисленны следы авторской поспешности и редакторской неряшливости при подготовке книги (ср., например, выражение «местные люди» на стр. 7; «...всякое познание наиболее доходчиво и понятно народу на его родном языке» — там же; «на это мы в СССР (!) обращаем большое внимание» — стр. 36 и т. д.). Все это значительно снижает уровень полезной книги Ю. Д. Дешериева. Но широкий круг проблем, затронутых автором, и его стремление привлечь внимание языковедов к несправедливо забытой проблематике позволяют нам рекомендовать эту книгу читателям.

⁵ Ср. Б. Гафуров, Успехи национальной политики КПСС и некоторые вопросы интернационального воспитания, «Коммунист», 1958, № 11, стр. 17.

⁶ См. ВЯ, 1957, № 2, стр. 171.

⁴ См. ВЯ, 1959, № 2, стр. 171.

Нельзя не подчеркнуть важность проблем, к которым обратился Ю. Д. Демериев: сейчас, в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, вопросы языкового строительства становятся особенно актуальными.

В. П. Григорьев, М. И. Исаев

«Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VI Congrès international des Sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 Août 1958» — Bucarest, Éditions de l'Académie de la République Populaire Roumaine, 1958. 184 стр.

Рецензируемый сборник состоит из двух сообщений и семи статей, посвященных проблемам топонимики и ономастики.

Первым в сборнике напечатано сообщение члена и вице-президента Румынской Академии наук Й. Иордана «Данные лингвистической географии и румынская топонимика» (стр. 7—32), в котором исследуется совпадение лексических зон с топонимическими зонами. Исходя из положения М. Фасмера¹ о том, что население может создавать названия местностей, пользуясь заимствованными словами, автор указывает, что славянские названия местностей на территории Румынии по своему происхождению двух категорий: с одной стороны, они созданы чужим населением, а с другой — это названия местностей, созданные румынским населением путем использования нарицательных имен, заимствованных из других языков. И в том и в другом случае почти всегда существует согласованность между лексическими и топонимическими зонами. Так, в статье рассматриваются следующие топонимы славянского происхождения: *Bistrița, Crasna, Cerna, Grădiștea* наряду с *Grădiștea*, распространенными на всей территории Румынской Народной Республики.

Й. Иордан изучает также топонимы украинского происхождения, зона распространения которых охватывает Буковину, Молдавскую ССР, Молдову и северные области Трансильвании. Автор объясняет совпадение лексической и топонимической зон украинского происхождения и доказывает, что топонимические дублеты типа *Strajă — Storojineț* и *Grădiște — Horodiște* являются двумя языковыми слоями — старым южнославянским (*Straja*) и более новым — восточнославянским (*Storojineț*), а не исключительно южнославянским, как утверждают Г. Нандриш² и Э. Лозован³. Впрочем существование этих двух языковых слоев — среднеболгарского и русско-украинского — в языке молдавских

грамот XIV и XV вв. было доказано в 1910 г. акад. А. А. Шахматовым⁴.

Во второй части статьи на материале топонимов древнетюркского происхождения исследуется совпадения лексических зон с топонимическими. Тот же вопрос рассматривается и на основе топонимов татарского и османлийско-турецкого происхождения, что представляется особенно трудным, во-первых, вследствие бедности и ненадежности источников и, во-вторых, вследствие того, что между разными тюркскими языками существуют такие незначительные различия, что лишь редко можно с уверенностью сказать, является ли то или иное слово куманским или тюрко-османлийским. Топонимы тюркского происхождения, так же как и славянские топонимы, распространены по всей территории Румынской Народной Республики, но существует и несоответствие между топонимией и обычной лексикой языка, например в Добрудже. Автор совершенно прав, утверждая, что между языком какого-нибудь народа и топонимикой его страны нет никакой разницы: и язык и топонимика является продуктом исторического развития соответствующего народа. Свои основные положения Й. Иордан подкрепляет обильным фактическим материалом, тщательно подобранным и проанализированным. Надо отметить, что исследование топонимических названий требует специальных и глубоких познаний, применения надежных методов работы. Именно эти черты характеризуют как рецензируемое сообщение, так и все труды Й. Иордана в области изучения топонимии.

В статье академика Э. Петровича «Румынские топонимы славянского происхождения, в которых встречается группа „гласный + носовой“ = общеслав. *o» (с двумя картами) (стр. 33—43) исследуются в хронологическом порядке сначала некоторые топонимы, образованные румынами на основе заимствованных у славян нарицательных имен, а затем целый ряд топонимов, созданных славянами на территории Румынской Народной Республики (группы на *in, im, un, um* вместо общеславянской носовой гласной *o). Так, к первой категории принадлежат, например: *Crîngu, Dumbrava, Golumbul, Lunca* с их производными, а ко второй: *Glimboaca, Dimbova, Cimpina* также с их производными.

В результате изучения автор делает следующие выводы: 1) румынский язык сохранил фонетический облик топонимики славян в том виде, в каком она существовала до смешения славян с румынами; 2) зона топонимов с *in, im* совпадает с зоной топонимов с *ști, źd* < общеслав. *tj, dj и *a < общеслав. *ž. Эта зона является зоной славянского населения, которое, по мнению автора, до его ассимиляции румынами говорило на одном славянском южноболгарском диалекте.

⁴ См. D. P. Bogdan, *Textele slavovo-române în lumina cercetărilor rusești III, «Analele Româno-Sovietice» (Istorie), № 3—4, 1957, стр. 74.*

¹ См. «Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften». Philosoph.-hist. Klasse, XVIII, Berlin, 1934, стр. 365.

² См. «Slavonic and East European review», vol. XXVI, 1947—1948, стр. 606.

³ См. ZfromPh, Bd. 73, Hf. 3—4, 1957, стр. 309.